

Глава 1

Он ожидал, что Эстрелла будет обширнее. На карте она выглядит точкой того же размера, что и Новилла. При этом Новилла — большой город, Эстрелла же — всего лишь расплзшийся провинциальный городок в глуши среди холмов, полей и садов, и по нему петляет ленивая речка.

Удастся ли начать в Эстрелле новую жизнь? С жильем в Новилле можно было полагаться на Центр переселения. Обретут ли здесь они с Инес и мальчиком дом? Центр переселения благодетелен, он — само воплощение благодетельности, безличного сорта, но распространится ли его благодетельность на беглецов от закона?

Хуан, автостопщик, примкнувший к ним по дороге в Эстреллу, предлагает поискать работу где-нибудь на ферме. Фермерам всегда нужны рабочие руки, говорит он. На больших фермах есть даже общежития для сезонных работников. Если не апельсиновый сезон, значит, яблочный, а если не яблочный, так виноградный. Эстрелла и окрестности — настоящий рог изобилия. Он им подскажет, если они желают, ферму, где когда-то работали его друзья.

Они с Инес переглядываются. Прислушаться ли к совету Хуана? Не в деньгах дело — у него, Симона, их по карманам достаточно, запросто хватит и на гостиницу. Но вдруг новилльские власти и впрямь их преследуют, и тогда, вероятно, лучше бы им смешаться с безымянными поденщиками.

— Да, — говорит Инес. — Поехали на ферму. Хватит сидеть в машине. Боливару нужно побегать.

— Мне тоже так кажется, — говорит он. — Однако ферма — это не лагерь отдыха. Ты готова, Инес, целыми днями собирать фрукты на солнце?

— Сколько надо — столько и отработаю, — говорит Инес. — Не меньше и не больше.

— А можно я тоже буду фрукты собирать? — спрашивает мальчик.

— К сожалению, нет, ты — нет, — говорит Хуан. — Это противозаконно — детский труд.

— Я не против потрудиться дитем, — говорит мальчик.

— Не сомневаюсь, что фермер даст тебе пособирать фрукты, — говорит он, Симон. — Но немного. Не столько, чтобы это стало трудом.

Они проезжают всю Эстреллу по главной улице. Хуан показывает им рыночную площадь, административные здания, скромный музей и галерею искусств. Они пересекают реку по мосту, оставляют город позади и двигаются вдоль берега, покуда не приближаются к внушительному дому на склоне холма.

— Это ферма, которую я имел в виду, — говорит Хуан. — Здесь мои друзья нашли работу. *Refugio* — на задах. На вид убогое, но вообще-то довольно уютное.

Refugio — это два сарая из оцинкованного железа, соединенные крытым переходом; сбоку — умывальня. Он ставит машину. Встречать их не выходит никто, если не считать сивого пса на негнущихся лапах, который рычит на них с натянутой цепи, обнажив желтые клыки.

Боливар разворачивается и выскальзывает из машины. Чужую собаку он оглядывает издали, после чего решает ею пренебречь.

Мальчик забегает в сарай, появляется вновь.

— У них двухэтажные койки! — кричит он. — Можно мне на верхнюю? Пожалуйста!

Из-за дома выходит крупная женщина в красном фартуке поверх свободного хлопкового платья, вперевалку приближается к ним по тропе.

— День добрый, день добрый! — выкликает она. Осматривает груженую машину. — Вы издали?

— Да, издали. Скажите, не нужны ли вам дополнительные рабочие руки?

— Дополнительные руки нам нужны всегда. Чем больше рук, тем проще труд — так в книжках пишут, верно?

— Нас всего двое — мы с женой. У нашего друга иные дела. А это наш мальчик, его зовут Давид. А это Боливар. Найдется ли для Боливара место? Он член нашей семьи. Мы без него никуда.

— Боливар — его настоящее имя, — говорит мальчик. — Он немецкая овчарка.

— Боливар. Хорошее имя, — говорит женщина. — Необычное. Мы наверняка найдем для него место — если будет хорошо себя вести, согласится на объедки и не будет ни с кем драться или гонять кур. Работники еще в садах, а я сейчас покажу вам жильё. Слева — господа, справа — дамы. Семейных комнат у нас, увы, нет.

— Я буду где господа, — говорит мальчик. — Симон говорит, что мне можно на верхнюю койку. Симон мне не отец.

— Как пожелаете, молодой человек. Места достаточно. Остальные вернутся...

— Симон — ненастоящий мой отец, а Давид — ненастоящее мое имя. Хотите узнать настоящее?

Женщина бросает на Инес растерянный взгляд, а Инес делает вид, что его не замечает.

— Мы, пока ехали, играли в игру, — вмешивается Симон. — Чтобы время скоротать. Примеряли новые имена.

Женщина пожимает плечами.

— Остальные вернутся скоро, к обеду, и вы сможете познакомиться. Плата — двадцать *reales* в день, для мужчин и женщин одинаково. Рабочее время — от рассвета до заката, в полдень двухчасовой перерыв. На седьмой день — отдых. Таков естественный порядок, таков порядок, которому мы следуем. С трапезами так: мы даем продукты, вы готовите сами. Устраивает? Справитесь? Раньше доводилось собирать фрукты? Нет? Скоро научитесь, это не высокое искусство. Шляпы есть?

Шляпы вам понадобятся, солнце бывает лютое. Что еще добавить? Вы меня всегда найдете в доме. Меня звать Роберта.

— Очень приятно, Роберта. Я — Симон, а это Инес, а это Хуан, наш проводник, я его отвезу обратно в город.

— Добро пожаловать на ферму. Уверена, мы поладим. Хорошо, что у вас свой автомобиль.

— Он доставил нас издалека. Это верный автомобиль. Чего еще желать от автомобиля, кроме верности.

Они разгружают машину, а из садов начинают сбредаться работники. Все знакомятся, им предлагают обед, в том числе и Хуану: домашний хлеб, сыр и оливки, громадные миски с фруктами. Их собратьев — человек двадцать, включая семью с пятью детьми, которых Давид настороженно оценивает со своего места за столом.

Прежде чем отвезти Хуана в Эстреллу, он, Симон, на миг уединяется с Инес.

— Что думаешь? — шепчет он. — Останемся?

— Вроде хорошее место. Я бы осталась, осмотреться. Но нам нужен план. Я не для того приехала в такую даль, чтобы осесть простой работницей.

Они с Инес уже поскитались. Если их преследуют власти, нужно быть осмотрительными. Но преследуют ли их? Стоит ли им бояться преследования? Хватит ли властям возможностей забрасывать своих служащих в удаленные уголки земли ради погони за шестилетним прогульщиком? Действительно ли тревожит власти Новиллы, ходит

ребенок в школу или нет, лишь бы грамоте был обучен? Он, Симон, в этом сомневается. Но вдруг гоняются не за ребенком-прогульщиком, а за парой, которая незаконно объявила себя его родителями и не пускает его в школу? Если на самом деле ищут не ребенка, а их с Инес, не лучше ли залечь на дно, пока преследователи, отчаявшись, не откажутся от погони?

— На неделю, — предлагает он. — Давай побудем простыми работниками одну неделю. А потом подумаем еще.

Он едет в Эстреллу и высаживает Хуана у дома его друзей, которые держат типографию. Вернувшись на ферму, он вместе с Инес и мальчиком обследует окрестности. Они посещают сады, и там их посвящают в таинства секатора и прививочного ножа. Давида влечет прочь от них, он исчезает неведомо куда вместе с другими детьми. Возвращается к ужину, руки и ноги исцарапаны. Они лазали по деревьям, говорит он. Инес хочет намазать ему царапины йодом, но он не дается. Спать укладываются рано, как и все остальные, Давид — на милой ему верхней койке.

Когда наутро приезжает грузовик, они с Инес уже спешно позавтракали. Давид с ними не ел, он все еще трет глаза. Вместе с новыми товарищами они забираются в кузов и прибывают на виноградники; следуя их примеру, они с Инес взваливают на плечи корзины и берутся за работу.

Пока они трудятся, дети предоставлены сами себе. Их в ватаге пятеро, под предводительством самого старшего мальчика по имени Бенги, вы-

сокого, тощего, в густых черных кудрях; они мчат вверх по склону к запруде, что направляет воду на виноградники. Прежде плескавшиеся здесь утки встревоженно взмывают в воздух — все, кроме одной пары, у которой птенцы еще не научились летать; эта пара гонит свой выводок к дальнему берегу. Недостаточно быстро, впрочем: вопящие дети оказываются на том берегу раньше и вынуждают уток плыть обратно к середине запруды. Бенги принимается швырять камни, дети помладше берут с него пример. Птицы не могут улететь, а лишь плавают кругами и громко крикают. Камень попадает в селезня, он красочнее самки. Тот вздымается над водой, падает и плещет сломанным крылом. Бенги издает победный клич. Шквал камней и комьев земли удваивает силу.

Они с Инес с сомнением прислушиваются к шуму, прочим сборщикам все равно.

— Что там происходит, по-твоему? — спрашивает Инес. — Давиду ничего не угрожает?

Он бросает корзину, взбирается на холм, подходит к запруде и видит, как Давид с такой яростью толкает старшего мальчика, что тот спотыкается и едва не падает.

— Прекрати! — слышит он, как кричит Давид.

Мальчик изумленно смотрит на своего обидчика, после чего разворачивается и кидает в уток еще один камень.

Тут Давид бросается в воду, одетый, в ботинках, и принимается плескаться на уток.

— Давид! — зовет его он, Симон. Ребенок не обращает на него внимания.

Внизу, на виноградниках, Инес бросает корзину и бежит. Последний раз она при нем напрягала силы, когда год назад играла в теннис. Бежит она медленно — набрала вес.

Из ниоткуда появляется громадный пес и несется мимо нее, как стрела. Он в мгновение ока сигает в запруду — и вот уж рядом с Давидом. Хватает его зубами за рубашку и тянет к берегу; ребенок бьется и сопротивляется.

Прибегает Инес. Собака укладывается, уши торчком, глаз с нее не сводит, ждет знака, а Давид, мокрый насквозь, ревет и колотит пса кулаками.

— Ненавижу тебя, Боливар! — орет он. — Тот мальчик кидался камнями, Инес! Он хотел убить утку!

Он, Симон, берет буйствующего мальчика на руки.

— Успокойся, успокойся, — говорит он. — Утка не умерла — смотри! — у нее просто шишка будет. Скоро поправится. Так, дети, по-моему, вам лучше уйти отсюда, пусть утки успокоятся и живут дальше. А ты не смей говорить, что ненавидишь Боливара. Ты любишь Боливара, мы все это знаем, а Боливар любит тебя. Он думал, ты тонешь. Он тебя спасти пытался.

Давид сердито вырывается у него из рук.

— Я хотел спасти утку, — говорит он. — Я не просил Боливара ко мне плыть. Боливар — дурак. Глупая собака. Теперь *ты* давай спасай ее, Симон. Давай-давай, спасай!

Он, Симон, снимает ботинки и рубашку.

— Ну, раз ты настаиваешь, я попробую. Хотя, скажу я тебе, для утки спасение может быть не таким, как ты себе думаешь. Возможно, для нее спасение состоит и в том, чтоб люди оставили ее в покое.

Пришли еще несколько сборщиков винограда.

— Не лезь, давай я, — говорит мужчина помоложе.

— Нет. Ты добрый человек, но это мой ребенок затеял. — Он снимает штаны и в одних трусах заходит в бурую воду. Почти без всплеска рядом возникает пес. — Уйди, Боливар, — бормочет он. — Меня спасать не нужно.

Сгрудившись на берегу, сборщики смотрят, как уже немолодой господин с телосложением уж более не таким, какое было во дни его работы грузчиком, потекает своему ребенку.

Запруда мелкая. Даже в самом глубоком месте вода не поднимается выше его груди. Однако в мягком иле на дне почти не двигаются ноги. Нипочем ему не поймать селезня с перебитым крылом, что плещется на поверхности рваными кругами, не говоря уж об утке-матери, которая теперь уже добралась к дальнему берегу и вместе с выводком уковыляла в заросли.

Дело за него делает Боливар. Призраком скользнув мимо, лишь голова торчит из воды, он догоняет раненую птицу, тискающими смыкает на бессильном крыле челюсти и волочет птицу к берегу. Поначалу селезень буйно сопротивляется, бьется и плещет, но потом вдруг словно сдастся и смиряется с судьбой. Когда он, Симон, вылезает